

ХЕРАСКОВ И МИЛТОН: “ВСЕЛЕННАЯ” И “ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ”

© 2016 г. В. Л. Коровин

Кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д.1
korovinv@yandex.ru

KHERASKOV AND MILTON: “THE UNIVERSE” AND “PARADISE LOST”

© 2016 Vladimir L. Korovin

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
korovinv@yandex.ru

В поэме Хераскова “Вселенная” (1797) говорится о тех же событиях, что в “Потерянном рае” Милтона. Херасков многое у него заимствует, но выражает иные религиозные убеждения.

Kheraskov in his poem “The Universe” (1797) draws on the same Biblical matter as Milton in “Paradise Lost”. Kheraskov uses his knowledge of Milton, but approaches the subject from a different dogmatic perspective.

Ключевые слова: Херасков, Милтон, Библия, Троица, творение мира, Сатана, Адама и Ева

Key words: Kheraskov, Milton, the trinity, the Creation of the World, Satan, Adam and Eve

Поэма М.М. Хераскова “Вселенная”, опубликованная в 1797 г. [1]¹, среди первых оригинальных русских поэм на библейскую тему может быть признана “самым значительным произведением” [2, с. 658]. Это небольшая (три песни, 1508 стихов) поэма о творении мира, мятеже и наказании высшего ангела (“светоносца”) и грехопадении первых людей, написанная александрийским стихом (как “Россияда” и “Владимир”). В ней Херасков, по выражению исследователя, “явно” заимствовал “краски у западноевропейских творцов религиозных эпосов” [3, с. 40], а в первую очередь — из “Потерянного рая” Дж. Милтона. Кроме того что эта эпопея прямо названа Херасковым в предисловии (вместе с “Мессией” Ф.Г. Клопштока), Милтон — единственный поэт, упоминаемый в самом тексте поэмы:

Как рая отчужден, как пал наш праотец,
В златых стихах воспел Британский нам певец:
В восторгах лиру я Милтонову лобзаю!
Но следовать ему в сих песнях не дерзаю.

(с. 90)

Три песни “Вселенной” озаглавлены “Мир духовный”, “Хаос” и “Мир солнечный”. Приведенные строки находятся в последней, где говорится о творении видимого мира и человека, а затем как раз о том, “как пал наш праотец”. Таким образом, указав на образцового автора, писавшего на эту тему, Херасков заявляет, что здесь все-таки не следует (не подражает) ему. На первый взгляд, это просто заявка на оригинальность своего сочинения с формулой скромности. Выше, однако, утверждалось, что поэт и “дерзает”, и “следует”, только не за литературными образцами:

Одни священные мне книги руководство...

<...>

Оне моя свеча; за ними в след дерзаю.

Поведатели нам вселенной бытия!

Дрожащею стопой иду за вами я...

(с. 66)

Херасков дает понять, что его поэма основана не на чужом поэтическом вымысле (Милтон), а на Библии, что он идет за ее боговдохновенными писателями (последняя песнь начинается с обращения к Моисею) и по мере сил добросовестно

¹ Далее ссылки на страницы этого единственного издания “Вселенной” даются в тексте в круглых скобках.

их толкует, полагая границы также собственному воображению:

Не воображение влечет меня разженно,
Пою, что истины пером изображенно;
Не вымыслы пишу, вещаю не мечту...
(с. 62)

Эти поэтические декларации противоречат сказанному в предисловии: “Творение сие есть плод моего воображения. Читая в сладость духовные книги, а наипаче святую Библию, дух мой такими преисполнялся восторгами, <...> что мне мечталось, будто я существую при первом воссиянии духовного мира. <...> Великолепная мечта! – <...> однако вымыслам стихотворческим в просвещенном нашем мире незапрещенная. Мне кажется, что Британский Певец, сочиняя Погубленный рай, и Великий Клопшток, воспевая Мессию, в подобных иступлениях находились, когда духовные читали книги: за ними шествую, но шествую вдаль: – робко – косвенно. Они бессмертны, а мое песнословие временно и не важно...” (с. 25–26). Главная цель этого предисловия – предупредить возможную богословскую критику поэмы, ради чего Херасков и ссылается на права поэтического вымысла и прославленную литературную традицию. Вместе с тем это честное авторское указание на источники поэмы (Библия и некие “духовные книги”²) и произведения, в ряду которых она должна оцениваться.

“Потерянный рай” – едва ли не самая популярная эпическая поэма в России в XVIII в., в особенности с 1770-х, когда были изданы переводы В.П. Петрова (1777, первые три книги поэмы) и Амвросия (Серебренникова) (1780) (см.: [4, с. 137, 161–163, 210–211]). Хераскову был знаком и рукописный перевод А.Г. Строганова (1747), озаглавленный “Погубленный рай”³. Именно так он назвал поэму в предисловии ко “Вселенной”, а ранее – во “Взгляде на эпические поэмы” (печатался вместе с “Историческим предисловием” перед “Россиейдой”, 1779).

Вопрос “Херасков и Милтон” внимательно изучался применительно к “Россияде” (см.: [6; 7,

с. 17–21]), но поэме “Вселенная” в этой связи посвящен лишь небольшой раздел в принадлежащем американскому ученому единственном обзорном труде о Милтоне в России [8, р. 59–67]⁴. Вообще же она относится к числу наименее изученных, хоть и нередко упоминаемых произведений Хераскова⁵. Сам же он, видимо, придавал ей очень большое значение, поскольку в его литературном завещании, дидактическом стихотворении “Поэт” (1805), первый вопрос, обращенный к начинающему поэту, отсылает именно к этой поэме: “Приводит ли тебя в восторг, во изумленье, / Вселенной дивное из хаоса явление?” [15, с. 3]⁶.

Сходство “Вселенной” Хераскова с “Потерянным раем” Милтона очевидно: у них общие темы, события, герои (Бог, Сатана, Адам и Ева), оба они основываются на Священном Писании, стремясь приблизиться, а не уйти от него, т.е. выступают в роли его толкователей, занимаются не чистыми поэтическими вымыслами, а преподают читателям религиозные, философские и нравственные идеи, согласные, на их взгляд, с истинами христианского вероучения. Однако понимают они его неодинаково, что объясняется и принадлежностью к разным конфессиям, и другими обстоятельствами (интерес Милтона к различным ересям, масонство Хераскова). Рассматривая английского поэта как образцового, автор “Вселенной” многое у него заимствует, но не его богословие и экзегетику, порицавшие современными Хераскову церковными писателями, о чем тот был хорошо осведомлен.

Амвросий (Серебренников), чей перевод “Потерянного рая” оказался первым напечатанным в России полным переводом (1780), на тот момент префект Московской духовной академии (позднее епископ и архиепископ), в “Предупреждении” в своем труде перечислил главные “излишества и погрешности” Милтона, “касающиеся до закона”: 1) “...нигде он не говорит, что мир создан из ничего; но всегда полагает некоторое вещество, бывшее прежде творения”; 2) “...в 4 книге вводит он брак в райское место...”; 3) “...в пятой книге, где Адам извиняется пред Ангелом в низкости брашен, <...> влагает в уста Ангела разговор Ма-

² Это неопределенное указание нуждается в отдельном рассмотрении. Предварительно можно утверждать только, что среди них видное место занимали книги, издававшиеся новиковским кружком (в том числе восточная и западная патристика) и вообще почитаемые в нем сочинения, в частности – Якова Бёме, которым, как известно, увлекался и Милтон.

³ Перевод Строганова, сделанный с французского перевода Н.Ф. Дюпре де Сен-Мора (1729) (тоже известного Хераскову), до сих пор опубликован только частично (I и IX книги, см. [5, с. 191–228, публ. А.О. Львовского, вступ. заметка Ю.Д. Левина]).

⁴ Ср.: [9, р. 29–31]. О Милтоне в русской поэзии XVIII – нач. XIX вв. см. также: [4, с. 134–137, 161–163, 210–212] (Херасков здесь не упомянут).

⁵ В ряду других поэм Хераскова “Вселенная” рассматривается в работах [10; 11]; см. также: [2, с. 183, 658; 12, с. 334–335; 13, с. 446; 14].

⁶ О “Поэте” см. [16], здесь же (с. 554–561) полностью перепечатан текст этого, по выражению исследователей, “*Arg poetica*” Хераскова.

териалиста. И сии суть главнейшие погрешности его, к которым присовокуплю последнюю, хотя не столь приметную, может быть, но наибольшую, а именно, что он придержался Арианской ереси...” [17, без нумерации]⁷.

Херасков сочинял “Вселенную” после начала Французской революции, дважды упоминаемой в поэме (с. 48, 55), и, скорее всего, после разгрома кружка московских розенкрейцеров (т.е. после 1792)⁸ и менее всего желал быть заподозренным в неправоверии, а кроме того, действительно не мог разделять всех мыслей Милтона (в особенности, его антитринитаризм, проницательно отмеченный Амвросием⁹). Возможно, какие-то из них Херасков оценивал как плод чрезмерной фантазии, сам в идейном отношении ограничиваясь почерпнутым им в “духовных книгах”. Восторгаясь Милтоном как поэтом, он “не дерзал” вслед за ним на самостоятельные измышления. Напротив, постоянно в своей “Вселенной” заимствуя что-то из “Потерянного рая”, Херасков переосмысливал его мотивы и образы, приспособляя их к своим целям и, в частности, к выражению собственных (в целом более ортодоксальных, чем у Милтона) религиозных убеждений.

Рассмотрение всех перекличек между этими двумя поэмами заняло бы слишком много места. Здесь ограничимся лишь некоторыми, наиболее, на наш взгляд, выразительными и репрезентативными для поэмы “Вселенная”.

Слепота

Самое неожиданное заимствование Хераскова – мотив слепоты, у Милтона, как известно, автобиографический. В начале III книги “Потерянного рая”, обращаясь к “святому свету” (“Hail, holy Light...”), поэт жалуется на слепоту, но представляет ее как посланную ему для духовного прозрения и как знак Божественного призвания

для высшей цели¹⁰. Херасков начинает “Вселенную” с обращения к собственному “бессмертному духу”, призывая его обратиться к невидимому миру: “Взнесись, бессмертный дух! в невидимый чертог, <...> Отвергни мрак земный...” (с. 27), а затем констатирует свою духовную слепоту:

Свет Божий от меня грехами похищен,
Но каюсь я! и свет мне будет возвращен.
(с. 28)

Этот мотив у Хераскова повторяется и далее: “Но дух, мой слабый дух, колико есть ни слеп...” (с. 36). В отличие от слепца Милтона, уже прозревшего для горнего мира, он еще только желает его узреть и ищет просвещения. При этом воспевать его чудеса он намерен со скромностью, *как бы* ослепнув, подобно Моисею на горе Синай (Исх 33:22–23), к которому обращается как к наставнику:

Прости, святой Пророк, питомца своего...
<...>
Да руку Божию имея на очах,
Пою, как ты воспел о Божьих чудесах.
(с. 73)

Милтон заявляет об особом призвании его Богом, Херасков преподает урок ученического смирения. Оставляя в стороне масонские коннотации этого урока (и мотивов слепоты и света, просвещения), нужно заметить, что русский поэт довольно последовательно демонстрирует отсутствие у него притязаний на личную избранность и особый статус своего произведения. Поэтому, например, в отличие от Милтона, в самом начале “Потерянного рая” призывающего Святого Духа (и дающего понять, что поэма Им и внушена), Херасков начинает “Вселенную” с призыва к самому себе и вообще нигде прямо к Святому Духу не обращается.

Бог-Отец и Сын Божий

В V книгу “Потерянного рая” Милтон ввел диалог Бога-Отца и Сына Божия, который, по замечанию исследователя, “не имеет, по-видимому, прецедента в литературе” [20, с. 53]. Именно в этом месте наиболее заметен его антитринитаризм (см.: [18, с. 612–613]), который отметил Амвросий (Серебренников), что не могло пройти мимо внимания Хераскова. В первой песни “Вселенной” тоже есть такой диалог, более короткий и символический, сопровождаемый видением Кре-

⁷ Перевод Амвросия многократно переиздавался (1785, 1803, 1810, 1820, 1827, 1860).

⁸ Часто встречающаяся в литературе датировка поэмы 1790 годом восходит к статье А.В. Западова (1961), где она появилась без каких-либо объяснений [3, с. 40]. До него время сочинения поэмы указывали (тоже без объяснений) Л.И. Кулакова, поставившая 1791 год [12, с. 334], и А.Н. Соколов, заметивший, что она “написана в начале девяностых годов” [2, с. 658].

⁹ Свои антитринитарные взгляды Милтон прямо изложил в трактате “О христианской доктрине”, который был найден и атрибутирован ему только в 1823 г. (издан в 1825 г.). До этого читатели “Потерянного рая”, как правило, “не улавливали некоторых антитринитарных черт Мессии, которые проглядывают в эпопее” [18, с. 612].

¹⁰ “Тем ярче воссияй, Небесный Свет, / Во мне и, силы духа озарив, / Ему – восставь глаза; рассея туман, / Дабы увидел и поведал я / То, что узреть не может смертный взор” (пер. А.А. Штейнберга [19, с. 69]).

ста, но введенный именно по примеру Милтона, поэтому здесь не случайно подчеркивается Божественная природа Христа и Его равночестность Отцу:

В то время отложив величество Господь,
Сын Божий, свет сокрыв, оделся в тленну плоть...
<...>
Бог весь премудростью вмещенный во Христе,
Кончается, висящ и страждущ на кресте...

(с. 40)

В поэме Милтона само слово “Троица” (Trinity) не встречается ни разу, Херасков же с самого начала поэмы исповедует свою веру в Бога-Троицу:

Создаться повелев духовным небесам,
Исходит из Себя в трех лицах вечный Сам;
Но в Троице заключив Божественность едину,
Творимость повелев воззвать из бездны Сыну.
Небытие тогда отверзло внятный слух;
Не зрелось вещества, носился Божий Дух.

(с. 28)

И далее по всему тексту: “Триличный свет” (с. 29), “Господь трисвят”, “в тройственном лице” (с. 34), “Господь триипостасный”, “тройственный трон” (с. 37) и др. Творение человека, в согласии со святоотеческими толкованиями Быт 1:26 (“сотворим человека по образу Нашему...”), в поэме представлено как результат совета Святой Троицы:

Сего вселенная владыку и царя
В триличном Божестве беседовал творя...

(с. 76).

И даже о первопричине падения Сатаны сказано, что он

От тройственной отпасть умыслил Единицы.

(с. 45)

Сатана и война на небе

В конце первой песни “Вселенной” (“Мир духовный”) и во второй песни (“Хаос”) рассказывается о падении высшего ангела, “светоносца” (Люцифера), поднятом им мятеже и его поражении. Как и в “Потерянном рае”, Сатана в поэме Хераскова едва ли не главный герой:

Сего-то Ангела злощастие пою...

(с. 43)

Во “Вселенной” Сатана произносит пять речей. Первая – его внутренняя речь, мысль, ставшая причиной падения (“светоносец умствует” – с. 25); последняя – вопль отчаяния от поражения мятежа (см. с. 58). Три речи обращены к сподвиж-

никам (подручным ангелам) и очевидно переключаются с бунтарскими и мнимо свободолюбивыми речами милтоновского Сатаны. Вот, например, отрывок из первой из них:

Устроим собственну державу мы свою;
Клянитесь со мной Иегове быть врагами!
Со мною бодрствуйте, и будете Богами!
Устроим в мире сем священные Алтари,
И будем не рабы, но Боги и Цари!..

(с. 46)

Вслед за этим следует авторская инвектива против “мятежной Галлии” (с. 48). Милтон, разочаровавшийся в английской революции, мятеж Сатаны изображает с аллюзиями на ее события. Он разоблачает и осуждает и то, и другое, но делает это настолько тонко, что возникла известная традиция приписывать ему героизацию и апологию Сатаны. Херасков же открыто проводит аналогию между его мятежом и современными событиями во Франции, морализирует и ни на минуту не дает усомниться, на чьей стороне находится автор и каких политических (не говоря уже религиозных) взглядов придерживается:

Так царства рушатся, где власть утратит Царь...

(с. 55)

Войну на небе Херасков, также в подражание Милтону, описывает как гигантомахию с метанием молний и попытками Врага “горние селения возжечь” (с. 60). Дьявольская артиллерия с порохом, имеющаяся в “Потерянном рае” и вызывавшая насмешки критиков (Вольтера и др.), у него отсутствует, но и от нее во “Вселенной” остался слабый след:

Оружие в руках своих имеет ново,
Сие из тысячи перунов сложено,
Гремит и действует нетронуту оно.

(с. 58)

Эти строки – результат компромисса между классическими вкусами Хераскова и его увлечением Милтоном. Пусть и в сильно редуцированном виде, но этот порицаемый классицистами образ он все-таки использовал в своей поэме.

То же можно сказать и об описании Греха и Смерти, привратников ада, во II книге “Потерянного рая” (олицетворение, восходящее к Иак 1:15). Своим безобразием оно особенно возмущало и смешило критиков (Вольтера и др.), а для русских переводчиков всегда представляло особую трудность, поскольку в оригинале Грех (Sin) – женского рода, а Смерть (Death) – мужского. У Хераскова таких олицетворенных персонажей нет, но аллюзия на милтоновское описание кровосмесительных отношений этой пары с Са-

таной (и послужившее ему источником апостольское послание) все-таки введена:

Раздор рождает грех, а грех рождает смерть.
(с. 63)

Любовь в раю

Одной из главных погрешностей Милтона, “касающихся до закона”, Амвросий (Серебряников) назвал то, что в IV книге “вводит он брак в райское место...” [17, без нумерации]. Однако здесь Милтон следовал блаженному Августину, расходившемуся в этом вопросе с восточными Отцами Церкви. Пасторальное описание Милтоном супружеской любви Адама и Евы в раю считалось во времена Хераскова едва ли не самым трогательным эпизодом “Потерянного рая”, и он, может быть, самым ярким образом отразился в поэме “Вселенная”. Здесь этому вопросу посвящена вторая половина заключительной песни (“Мир солнечный”).

Как у Милтона, у Хераскова Адам пал из-за любви к Еве, чтобы разделить ее участь:

Адам ей рек в слезах: зри, как тебя люблю!
Ты впала в смерть, я смерть с тобою разделю!
Прием купно мы злощастную кончину...
Он рек, и съел плода другую половину!
(с. 91)

Милтоновский Адам извлек из содеянного урок, что мужу не следует потворствовать жене (в конце IX книги), но автор, не оспаривая его, прокомментировал это как один из взаимных упреков уже падшей четы (“В попреках обоюдных зря текли / Часы; никто себя не осуждал, / И тщетным спорам не было конца” [19, с. 276]). По Милтону, в поступке Адама обнаружилось его благородство, но все же это не пример для подражания читателям. Херасков же именно ставит его в пример:

Коль вечно щастливы, супруги, быть хотите,
И вы, как праотец, супруг своих любите.
(с. 91)

Далее объясняется, что через жену произойдет Христос (“Пророчески слова, во книге нам святой, / Предвозвестили век через жену златой: / Рожден женой Христос, и жала смерть лишилась...” – с. 91), однако нравоучительный вывод не кажется от этого менее странным: Адам, вкушающий запретный плод ради Евы, оказывается примером для подражания.

Дело в том, что, по Хераскову, грехопадение людей совершилось уже тогда, когда плод вкусил

один из них: “Страдает целое, коль страждет половина; / Адам со Еввой пал – вот наших бедств причина!” (с. 85). Более того, падение Адама началось еще раньше – когда он заснул, а Бог сотворил из его ребра Еву:

Сон, низших тварей часть, Адама успокоил,
И целого ребра отцу народов стоил...
(с. 82)

Сон Адама как его первое падение трактовался в авторитетных среди московских масонов-розенкрейцеров сочинениях: в “Misterium Magnum” Я. Бёме, а вслед за ним, например, в “Пасторском послании к справедливым и свободным каменщикам древней системы” Х.А. Гаугвица, написанном в 1785 г. и тогда же переведенном на русский язык А.А. Петровым (см. [21, с. 121–122]). Херасков, как видно, разделял эти представления. В отличие от Милтона, он не “вводит брак в райское место”, а напротив, подчеркивает, что, если б Адам остался на первоначальной высоте, размножение человека происходило бы каким-то другим образом:

Он сам в себе хранил взаимно сопряжену,
По слову Божию, и мужа и жену;
И сущности своей во свете размноженье
Он мог производить, устроив воображенье.
Коль сладко было бы такое бытие!
Без мук творилось бы рождение сие,
Для радостей бы мы производились вечных...
(с. 78)

Само по себе любовное чувство во “Вселенной” является предметом не апологии, а осуждения:

Адам в любви своей и слаб и не умерен,
Стал Еве предан весь, но Богу стал не верен;
Он волю преступил всещедрого Творца.
В слепой любви всегда суть немощны сердца!
(с. 84)

Милтон, оспаривая средневековые представления, оправдывает любовное чувство как естественное и богоданное. Херасков, вопреки идеям Просвещения (и сентиментализма), порицает “слепую любовь” как измену высшему духовному предназначению, но ставит в пример верность и самопожертвование Адама как проявление супружеской любви, предписанной Законом Божиим для падшего человечества. Таким образом Херасков выводит брак из “райского места”, причем не столько для популяризации принятой у “мартинистов” доктрины, сколько ради того чтобы преподать читателям полезное, на его взгляд, нравоучение.

* * *

“Вселенная” Хераскова – произведение, написанное на темы “Потерянного рая”, чем и объясняются многочисленные из него заимствования. Однако в идейном отношении Херасков опирался на другие источники (“духовные книги”) и оказался свободен от влияния Милтона. В его “Вселенной” собственные теология, космология и антропология, причем во многих случаях подчиненные нравоучительным целям. Поэму Хераскова определяли как “мистико-космологическую” [13, с. 446], но она еще и открыто дидактична. Изображаемые в ней события (в том числе восстание Сатаны) часто сопровождаются моралью, прямо обращенной к читателю: “О гордый человек, читающий сие! / Дияволова мысль зеркало есть твое...” (с. 44), “В упавших Ангелах имеем мы зеркало...” (с. 51) и др. И так вплоть до заключительной в поэме сентенции: “Дай больше веры нам, но меньше умствований!” (с. 91). Иными словами, обратившись к темам, неминуемо напоминающим о поэме Милтона, Херасков создал вполне самобытное произведение. Поступил так, как позднее, в упоминавшемся уже стихотворении “Поэт” (1805), рекомендовал поступать начинающим авторам:

Когда звездой своей соделан ты поэт,
Пиши как будто бы других поэтов нет;
К натуре обрати душевное вниманье...
<...>
Из собственных даров искусство почерпай;
Милтона не читав, потерянный пой рай...
[15, с. 7; ср. 16, с. 557]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Херасков М.М. Вселенная // Херасков М.М. Творения, вновь испр. и доп.: [В 12 ч.]. Ч. III. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. С. 24–92. [Kheraskov M.M. *Vseleennaja* [The Universe]. Kheraskov M.M. *Tvorenija*: [v 12 ch.]. Ch. III [Works in 12 Parts. Part III]. Moscow, 1797. P. 24–92.]
2. Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1955. 692 с. [Sokolov A.N. *Očerki po istorii russkoj poemy 18th i pervoj poloviny 19th veka* [Essays on the history of Russian poems of the 18th and the first half 19th century]. Moscow, 1955. 692 p.]
3. Запалов А.В. Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–56 (Библиотека поэта, бс) [Zapalov A.V. *Tvorčestvo Kheraskova* [Works by Kheraskov]. Kheraskov M.M. *Izbrannyje proizvedenija* [Selected works]. Moscow, Leningrad, 1961. P. 5–56.]
4. Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1990. 288 с. [Levin Ju.D. *Vosprijatije anglijskoj literatury v Rossii: Issledovanija u materialy* [The perception of English literature in Russia: Research] and materials]. Leningrad, 1990. 288 p.]
5. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: [в 2 т.] / Отв. ред. Ю.Д. Левин. Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 269 с. [Istorija russkoj perevodnoj hudožestvennoj literatury. Drevhaja Rus'. XVIII vek: [V 2 t.]. T. 2. Dramaturgija. Poezija [History of the Russian translated literature. Ancient Russia. The Eighteenth century: [In 2 vol.]. Ed. by D. Levine. Vol. 2. Drama. Poetry]. St. Petersburg, 1996. 269 p.]
6. Thiergen P. Studien zu M.M. Cherskovs Versepos “Rossiada”: Materialien und Beobachtungen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 1970.
7. Любжин А.И. Новоевропейский эпос в “Россиаде” Хераскова // Русская литература. 2010. № 1. С. 3–25. [Ljubzhin A.N. *Novoevropejskij epos v “Rossiade” Kheraskova* [A New European epic in “Rossiade” by Kheraskov]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2010. № 1. P. 3–25.]
8. Boss V. Milton and the Rise of Russian Satanism. Toronto; Buffalo; London, 1991. 276 p.
9. Boss V. Russia, Milton’s influence in // A Milton Encyclopedia. Vol.9. Lewisburg; London, 1986. P. 20–43.
10. Гришакова М. Символическая структура поэм М. Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. To Honour of professor Yu.M. Lotman / Отв. ред. Е. Пермяков. Тарту, 1992. С. 30–48. [Grishakova M. *Simvoličeskaja struktura poem M. Kheraskova* [The symbolic structure of poems by M. Kheraskov]. *V chest’ 70-letija professora Ju.M. Lotmana* [To Honour the 70th anniversary of professor Yu.M. Lotman]. Tartu, 1992. P. 30–48.]
11. Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 26 с. [Davydov G.A. *Religiozno-filosofskie poemu M.M. Kheraskova* [Religio-philosophical poems by M.M. Kheraskov: Dissertation Thesis of Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 1999. 26 p.]
12. Кулакова Л.И. Херасков // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 320–341 [Kulakova L.I. *Kheraskov. Istorija russkoj literatury: V 10 t. T. IV: Literatura XVIII veka* [History of Russian literature: in 10 v. Vol. IV: Literature of the XVIII century]. Moscow; Leningrad, 1947. P. 320–341.]
13. Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, перераб. М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР,

1951. 686 с. [Blagoj D. *Istoria russskoj literatury XVIII veka. Izd. 2-e, pererabotannoe* [History of Russian Literature of the 18th century. Ed. 2, revised]. Moscow, 1951. 686 p.]
14. Макина М.А. Поэмы М.М. Хераскова: (К вопросу о формировании мировоззрения и стиля русско-го сентиментализма) // Учен. записки Новгородского пед. ин-та. 1963. Т. 9. Вып. 1. С. 121–134 [Makina M.A. *Poemy M.M. Kheraskova: (K voprosu o formirovanii mirovozzrenija i stilja russkogo sentimentalizma)* [Poems by M.M. Kheraskov: (On the question of the formation of the worldview and style of Russian sentimentalism)]. Uchen. zap. Novgorodskogo ped. in-ta [Proceedings of the Novgorod Pedagogical Institute]. 1963. Vol. 9. Issue 1. P. 121–134.]
15. Херасков М.М. Поэт. М.: в тип. Х. Клаудия, 1805. 14 с. [Kheraskov M.M. *Poet* [The Poet]. Moscow, 1805. 14 p.]
16. Вендитти М., Шруба М. “Ars poetica” М.М. Хераскова // Russian Literature. 2014. Vol. LXXV. № I/II/III/IV. P. 535–561. [Venditti M., Shrub M.M. “Ars poetica” M.M. Kheraskov’s “Ars poetica”].
17. <Амвросий (Серебренников)>. Предупеждение // Потерянный рай, поэма героическая, творение г. Милтона / Переведено с французского языка <Амвросием (Серебренниковым)>. М., 1780. <Без нумерации>. [Amvrosij (Serebrennikov). *Preduvedomlenije* [Advance notice]. *Poterjannyj raj, poema geroicheskaja, tvorenije g. Milтона* [Paradise Lost, a heroic poem, a creation of Mr. Milton / Translated from French by Amvrosij (Serebrennikov)]. Moscow, 1780. <Without numbering>.]
18. Горбунов А.Н. Поэзия Милтона: (От пасторали к эпосе) // Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. М.: Наука, 2006. С. 581–647 (Лит. памятники) [Gorbunov A.N. *Poezija Milтона: (Ot pastorali k poeme)* [The poetry of Milton: (From a pastoral to the epic)]. Milton J. *Poterjannyj raj. Vozvrascennyj raj. Drugie poeticheskie proizvedeniya* [Paradise Lost. Paradise Regained. Other Poetic Works]. Moscow, 2006. P. 581–647.]
19. Милтон Дж. Потерянный рай / Перевод А. Штейнберга // Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. М.: Наука, 2006. С. 5–370 (Лит. памятники). [Milton J. *Poterjannyj raj. Vozvrascennyj raj. Drugie poeticheskie proizvedeniya. Izd. podgotovili A.N. Gorbunov, T. Yu. Stamova* [Paradise Lost. Paradise Regained. Other Poetic Works. Edition Prepared by A.N. Gorbunov, T. Yu. Stamova]. Moscow, 2006. P. 5–370].
20. Чамеев А.А. Джон Милтон и его поэма “Потерянный рай”. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 128 с. [Chameev A.A. *Jhon Milton i ego poema “Poterjannyj raj”* [John Milton and his poem “Paradise Lost”]. Leningrad, 1986. 128 p.]
21. Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломонических наук. СПб.: Астерион, 2012. 616 с. [Kondakov Ju.E. *Orden zolotogo i rozovogo kresta v Rossii. Teoreticheskij gradus solomonovyh nauk* [Order of the Golden and Rosy Cross in Russia. A Theoretical Scale of Solomonian Sciences.]. Moscow: Asterion, 2012. 616 p.]